

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 109(1466)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Антона Зверева «Экзамен, который расколол общество», опубликованная в «Независимой газете», № 249, 16 ноября 2017 года.

Вологда
ноябрь 2017

Экзамен, который расколол общество

Как обыкновенный инструмент оценки знаний во многом устранил профессию «учитель»

За чередой эффектных телепремьер и публикаций, приуроченных к 100-летию Октябрьской революции, не нужно забывать: в этом году круглую дату отмечает и другое знаковое для страны событие.

Минуло 10 лет, как предписанный отечественной школе (вопреки протестам авторитетных педагогов, выдающихся ученых и писателей) единый госэкзамен (ЕГЭ) расколол Россию на его сторонников, оппонентов и «неабсолютных фанатов». Целое поколение детей, пока бушевали споры, успело поступить и окончить школу с сертификатом единого государственного экзамена.

Что же на выходе? Как воспринимают россияне перемены, в которые поверг этот европейский капремонт классическую советскую систему среднего образования?

Вот цифры. Если в дебютном для эксперимента 2001 году почти 60% россиян высказались в пользу ЕГЭ, то в мае 2017 года, юбилейного для штатного режима его функционирования, по данным того же фонда «Общественное мнение», ситуация заметно поменялась. Сегодня сдачу в школах единого экзамена не одобряют уже 66% россиян. В переводе на язык образовательной, она же социальная, политики это означает, что масштабы недоверия ЕГЭ достигли исторического максимума.

Чем же не угодил независимый тест двум третям населения страны? Здесь расклады таковы. 70% опрошенных ФОМ граждан полагают, что качество школьного образования ухудшилось именно из-за ЕГЭ; 68% отметили, что объективный тест не учитывает индивидуальных особенностей учеников, а 67% считают его процедуру поверхностной. При этом 74% выражают уверенность, что справедливее оценить уровень знаний выпускников школ, поступающих в вузы, позволяет традиционный экзамен.

Таков объективный результат «образовательной революции», осуществленной исклю-

чительно во благо россиян в 2007 году. По существу, в текущем 2017 году она сменилась мощно нарастающей контрреволюцией снизу.

Что же предпринимает в ответ власть? А то же самое, если разобраться, что и все 10 лет последовательного насаждения ЕГЭ. Делает вид, что различает из стана экзаменуемых в свой адрес только бурные аплодисменты, изредка переходящие в овации. Готовится пополнить список обязательных ЕГЭ новыми испытаниями по истории (с 2020-го) и по иностранному языку (с 2022 года). При этом без особого труда и даже слов – с полунамека покоряет сердца учителей означенных выше наук новыми горизонтами вечерней подработки.

Такая вот получается политика, она же отчасти и экономика образования. Хорошо, что хоть со статистикой разобрались...

Впрочем, и тут осечка. Общество безуспешно добивается снятия грифа секретности с материалов по ЕГЭ и полной – с разбивкой по школьным предметам и регионам – их распечатки еще начиная с мая 2004 года (даты публикации открытого письма академиков Российской академии наук президенту РФ).

Власть, в свою очередь, отделяется от прямых вопросов рапортами об «относительном повышении уровня знаний выпускников этого года по отношению к уровню прошлого года в отдельно взятом N-ском федеральном округе». Либо включает все свои ресурсы, чтобы заставить общество просто поверить: «ЕГЭ – лучшее из того, что было в нашей стране» (из интервью Андрея Фурсенко, помощника президента РФ, бывшего министра образования РФ, корреспонденту ТАСС по случаю 10-летия ЕГЭ).

Но вот, например, сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша, доктор физико-математических наук Георгий Малинецкий думает иначе. Именно в едином экзамене, являясь крупнейшим специалистом по управлению рисками и теории самоорганиза-

ции, он усматривает серьезную угрозу безопасности не только отдельных людей и структур, но и нации в целом.

Оценивая ситуацию со школьными реформами по их прямому продукту – студентам технических вузов, ученый выполнил два контрольных среза с перерывом в восемь лет. В 2009 году он констатировал – внимание! – исчезновение как таковой профессии «учитель» ввиду постановки перед отечественной педагогикой качественно иных задач. «Учитель уже не учит своему предмету, а, резко сокращая все, что не входит в тесты, учит сдавать ЕГЭ», – разъяснил исследователь, подводя итоги первого года штатного функционирования единого экзамена.

Следуя этой логике, выходило, что экзамен-угадайка к этому моменту уже как бы стал самостоятельной, 18-й по счету дисциплиной в школьном расписании.

Это тогда, а сегодня? В 2017 году Малинецкий обращается уже напрямую к руководству страны: «Считаю, что ЕГЭ должен быть полностью отменен, потому что всё, что

школьнику не нужно сдавать на ЕГЭ, он просто не учит».

Произведем простое арифметическое действие. Из 17 школьных предметов вычтем два базовых, по которым дети в обязательном порядке пишут выпускной, он же вступительный экзамен в вуз. А все остальные 15 наук временно выбросим в корзину. Теперь куда понятнее становится, что сотворили с некогда лучшей в мире школой экспериментаторы из Минобрнауки России. Они ее просто раздавили и отдали на расправу частным репетиторам.

Случай по мировым меркам и впрямь уникальный. Историки грядущих дней будут трястись от хохота, слушая рассказ о том, как обыкновенный инструмент оценки знаний, скромный измерительный прибор (двойной тест на выпуске из школы) превратился в наших умелых руках в орудие убийства целого социального института, достижения которого был призван измерять.

Антон Зверев